

КАЗАХСКИЙ ЭПОС

КОБЛАНДЫ-БАТЫР

Часть I

В давно минувшие времена на просторах у подножья горы Караспан жил знатный бай Токтарбай из рода каракипчак.

Многочисленные кипчаки тогда
Ставили юрты в ряд,
Жили мирно на стоянке своей,
Тем и славился род кипчак.
Дожил Токтарбай до восьмидесяти лет,
Но не было у него детей.
От горя кровавые слезы лил,
Думал: "В мире счастья не познал -
Прожил без копытца свой век".
Посещая могилы святых,
Полы колючками изорвав,
У семи пророков побывал.
В жертву коня он принес,
В жертву барана принес,
Сбылось то, о чем он мечтал, -
Его байбише Аналык
Родила двойню - сына и дочь,
Сыну дали имя Кобланды,
Дочь назвали Карлыгаш.

Быстро подрастал и креп Кобланды. Достигнув шести лет, оседлал он гнедого коня и отправился к табунам. Там его встретил предводитель табунщиков, старый батыр Естемес.

Приехавшего Кобланды
Стал обучать храбрец Естемес.
Что ни день - охотились на диких коз,
Бились, если встретится враг.
Однажды с Естемесом вдвоем
Лежали у подножья горы,
Когда до слуха Кобланды

Донесся сильный шум.
По ту сторону горы
Высоко клубилась пыль,
Слышен был несмолкающий гул.
"Что за шум?" - спросил
У Естемеса богатырь.
Тогда Естемес говорит,
Вот что он говорит:
"По ту сторону горы
Есть огромная страна,
Правит там Коктым Аймак,
Много тысяч людей у него.
Народ, что под властью его,
Богато, привольно живет.
Есть у него дочь, имя ее Кортка,
Изяществом славится она.
Высотой до самой луны
Поставили там столб,
Золотая монета на столбе.
Кто стрелою монету собьет,
Тот и возьмет красавицу Кортку".

Кобланды загорелся желанием отправиться на эти состязания. Естемес не хотел его отпускать. Но Кобланды слушать его не стал и оседлал коня. Кобланды победил на состязаниях. Отец девушки хан Коктым Аймак не мог нарушить своего обещания, устроил тридцатидневный пир и отдал Кортку за Кобланды.

Весть о том, что красавицу Кортку
Отдают за батыра Кобланды,
Услыхал сорока пяти аршинный Кызылер.
Сказал: "Пусть выходит бороться со мной,
Если свалит меня - возьмет Кортку".
Расхвастался Кызылер, сказал:
"Если уцелеют его одежда и конь
И если сам останется жив,
Этого будет довольно с него", -
Так похвалялся Кызылер.

Когда услышал это Кобланды,
Сказал: "Кызылера не оставлю в живых".
Сел он верхом на коня,
К Кызылеру прискакал,
Крикнул: "Прибыл Кобланды. Выходи!"
Видит: не выходит Кызылер,
Кобланды вбежал к нему в дом -
Лежит в постели Кызылер,
Смотрит на Кобланды и говорит:
"Сначала поборись с моей ногой", -
И протягивает ногу ему.
Возле двери висел
Шестидесятисаженный пестрый аркан,
Кобланды, великана за ногу зацепив,
Вскочил на гнедого коня,
Кызылера с грохотом поволок,
Колючки вонзились в него,
Прокололи легкие и печень ему,
Недруга, смотревшего свысока,
Кобланды вот так проучил.
"Пусть умрет с позором враг", - сказал,
Ударил о камень его, искромсал -
Вылетела из его тела душа,
Покатилась по земле голова.

Простившись с отцом и с родными, Кортка вместе с Кобланды
отправилась на его родину. Когда проехали долгий путь...

Как-то в один из дней
У дороги видят они -
По обеим ее сторонам
Пасутся табуны лошадей.
Красавица Кортка,
Выглянув из крытого возка,
Разглядывает коней.
Вдруг видит она,
В середине табуна
Пегая кобылица стоит.

Остановив свой возок,
Подозвала она Кобланды:
Сказала: "Повелитель мой,
Вон ту кобылицу в табуне
Хоть в обмен на меня возьми".
Смеется богатырь Кобланды,
Шуткою отвечает ей:
"За тебя головой рисковал
И тебя на кобылку обменять?!"
"Выслушай же меня,
Подойди поближе, - она говорит. -
Твой темно-гнедой конь
Не пригоден, чтоб, его оседлав,
Выехать на врага.
Чалый жеребенок, что сейчас
В утробе пегой кобылицы той,
Будет верным спутником твоим,
Помни мои слова, - говорит, -
Сбудется предсказанье Кортки".
Красавица Кортка, так сказав,
Соскочила со своего возка,
Пойманную в табуне
Кобылицу поцеловала в лоб
И на поводу ее повела.
Вскоре и время подошло -
Вымя у кобылицы налилось, -
Мечется, дышит она тяжело -
Трудно тулпара произвести на свет.
Не подпускает к себе никого,
Одна лишь Кортка присматривает за ней.
Пегая кобылица копытами бьет,
Кортка ни жива ни мертва,
Тревожась, чтоб не задохнулся тулпар,
Разрывает она пузырь,
Жеребенку дает вздохнуть.
Вот родился тулпар Тайбурыл.
Чтобы даже не коснулся земли,

Кортка бесподобной красоты
Расшитую шубу с себя сняла,
Завернула в шубу его,
Дунула ему в самый рот,
Коснулась губами его лба, -
Всевышнего благодарит.
У тулпара голова - в аршин,
У тулпара крылья на боках.
Сказала: "Ты - конь повелителя моего".

Часть II

Кобланды поставил юрту для Кортки рядом с юртой отца - Токтарбая, сам отправился к Естемесу, к табунам.

Красавица Кортка заботливо выращивала и обучала жеребенка, готовила для Кобланды богатырские доспехи.

Тем временем на земли соседних племен напали чужеземцы.

Из страны кызылбашей
Пришел богатырь Казан.
Он захватил и подавил
Ногайлинский многочисленный род.
Всех не покорившихся ему
Казан убивал, уничтожал,
Взял в добычу себе табуны,
Земли их он захватил.
Разбежался ногайлинский род,
Бросив имущество и скот.
Города Кырлы-Кала и Сырлы-Кала
Силою взяв, хан Казан
Так хвастливо говорил:
"Посмотрите, как укреплен
Город Кырлы-Кала:
С одной стороны - река,
С другой - рвы в шесть рядов
Большой глубины и ширины.
Ворота, кованые, стальные,
Стерегут шестьдесят богатырей.
К городу моему Кырлы-Кала
Ни за что не подступится враг".

Весть о набегах Казана дошла до богатыря Карамана - сына Сеила из сорокатысячного рода кыят, живущего в низинах. И подумал богатырь

Караман: "Раз мы мужчинами родились от своих отцов - позор нам, если кызылбаши захватили ногайлинские земли".

Оседлав своего коня, Караман отправился в путь.

Из сорокатысячного рода кыят
Войско огромное собрав,
Высоко подняв черный стяг,
Выехал он на кызылбашей.
Караман так сказал:
"Заставлю Казана откочевать", -
И кликнул боевой клич.
Вышли от кыятов пять богатырей:
Каракозы, Аккозы,
Сын Каражана - Косдаулет,
Вышел и батыр Карабукан,
Кто может темной ночью скакать,
Предугадывать, что ожидает впереди.
А у Карамана-богатыря
Снег намерзает на бровях,
Ресницы покрылись льдом.
Весть о Казане услышав,
Он ночи проводит без сна:
"Захватил Казан ногайлинцев", - сказал, -
Для сородичей наших это позор,
Умереть бы, да жизнь сладка,
В могилу бы лечь, да могила жестка!"
Сорокатысячное войско собрав,
Караман так говорит:
"В низовьях горы Караспан
Живет многочисленный род кипчак.
Есть у них батыр Кобланды,
Проедем мимо стоянки его,
Если поедет, возьмем его с собой,
Если не поедет, нас благословит.
Он мне ровесник по годам,
Одно у нас горе, одна печаль.
Если согласны со мною, друзья,

Поедем по дороге, ведущей к нему".
Кыяты посовещались между собой,
К согласию они пришли
И поскакали к стоянке Кобланды.
Подъехали, остановился Караман
У подножья горы Караспан.
Увидев множество войск,
Богатырь Кобланды
Понял, что это неспроста.
Вмиг вскочил он на коня.
Выехал навстречу войскам,
Посылает Естемеса вперед,
Хочет узнать, что за войска.
Подъехал к воинам Естемес,
Убедился в дружелюбии их,
Батыру об этом сообщил.
Подъехал и Кобланды,
Приветствуя Карамана, спросил:
"Ровесник, куда держишь путь?"
Караман ему отвечал:
"На Казана вышел я
И тебя зову с собой.
Пойдешь ли с нами, ровесник мой?
Ведь ровесники мы,
Одна у нас печаль".

Кобланды ответил, что он должен спросить жену - только она знает, готов ли конь Бурыл к походу. И тут же послал Естемеса к Кортке сообщить о предстоящем походе.

Кортка не одобряет поспешного решения Кобланды выступить в поход лишь по одному зову ровесника. Она просит передать Кобланды, что конь еще не готов для боевого похода: "Выращенный мною Тайбурыл не выстоял еще сорока трех дней".

С ответом Кортки Естемес скачет в обратный путь. Кобланды решает отложить свой поход. Караман зло высмеял Кобланды, принявшего решение по совету жены, и назвал его бабой.

Когда Караман так сказал,
У богатыря Кобланды
На подбородке выступил пот,
Даже вздыбились волоски на руках,
Вышел из себя, вспылал, -
Эти слова Карамана
Пронзили его до мозга костей.
Вскочил он на гнедого коня,
Поднял острый меч, как алмаз,
Бьет плетью по крупу коня.
Буре подобен его порыв,
Расвирепел, грозен он,
Расшумелся, бушует он,
С его век осыпается снег,
Ресницы покрылись льдом.

Часть III

Услышав топот коня, Кортка поняла, что это скачет к ней Кобланды. Приподняв полог юрты и увидев мужа в гневе, Кортка побледнела. Она подумала: "Разве я провинилась перед своим повелителем?" - И, отвязав коня Бурыла, вышла к нему навстречу.

Тайбурыла-коня увидав,
Богатырь Кобланды
Перестал гневаться на Кортку.
На Бурыла бросил взгляд
И сказал тогда Кобланды:
"Я - взлетевший с озера гусь,
Гуси гнездятся на глиняном берегу,
После наурыза лето настает,
Безумный я, рожденный глупцом!
Кортку, вырастившую такого коня,
Я чуть было не зарубил".
Когда погасла предутренняя звезда,
Когда занялась красная заря,
Зная, что батыра Кобланды
Невозможно удержать,
Красавица Кортка на коня
Положила седло со сбруей золотой,
Положила немного еды и зерна,
К белой юрте коня подвела,
Где батыр прилег отдохнуть.
Тайбурыла-коня увидав,
Встал с постели Кобланды.
У юрты собралась вся родня,
Услыхав о его сборах в поход.
Дивился и плакал народ -
Всем было жаль отпускать
Юного батыра Кобланды.

Одевшись, из юрты вышел он,
Народ его окружил.
Попрощавшись с народом своим,
На Тайбурыла вскочил Кобланды,
Белую кольчугу надел,
На пояс повесил меч,
Ногайскую шапку надел,
Выехал из-за горы Караспан.
За кыятами, ушедшими вперед,
Отправился богатырь Кобланды.
Девяностолетний его отец Токтарбай,
Шестидесятилетняя мать Аналык,
Сестра родная Карлыгаш,
Любимая жена Кыз Кортка, -
Рыдая и причитая, вчетвером,
Едут следом за Кобланды.
Когда провели в пути полдня,
Когда настал полуденный час,
Сестра батыра говорит:
"Единственный мой, родной коке,
Решил ты отправиться в поход.
Белый сокол летает, когда
Целы крылья его и хвост.
Я - трава кокты, что в овраге растет,
Я - перышко на шапочке меховой.
Да буду жертвенным ягненком твоим!
Печальные мысли охватывают меня,
Коке, слезы застилают мои глаза,
Пока не вернешься, мой милый коке,
Меня, несчастную, оставшуюся без тебя,
Пусть богу в жертву принесут!
Золотые перья на шапочке моей,
Родной коке, когда не вижу тебя,
Не мил мне и белый свет -
Словно ступаю по раскаленным углям.
Стрела смерти, предназначенная тебе,
Пусть в меня попадет.

Жеребенок, рожденный вместе со мной,
Ты - мой тополь, опора для всех,
Брат мой, рожденный вместе со мной,
Ты - надежная опора моя,
Ты - камыш, поднявшийся над водой,
Ты - мой скакун, вырвавшийся вперед.
Все горести, ниспосланные тебе,
Я готова принять на себя!
Ты - мой ягненок, мой близнец,
Вместе мы родились, вместе росли,
Мы - две утки, что пасутся вдвоем,
В трудностях ты опора моя.
Твои загоны полны овец,
На кого же оставляешь их?
Твоя коновязь полна лошадей,
На кого оставляешь их, коке?
Девяностолетнего Токтарбая-отца,
Шестидесятилетнюю свою мать Аналык
На кого оставляешь, родной коке?
Вместе, как жеребята, резвились мы -
Рожденную и выросшую вместе с тобой,
На кого оставляешь, несчастную, меня?
Богом данную супругу твою -
Дочь Коктыма - Кортку,
На кого оставляешь невестку мою?"
Тут призадумался Кобланды,
Задели батыра слова сестры.
Оперся он на белое копьё,
Опечалился, заплакал богатырь:
"Гуси возвращаются назад,
Садятся там, где гнезда свили.
Каждый в радости, в веселье,
Когда он среди сверстников своих".
Опершись на белое копьё,
Украдкой, чтоб не увидела Карлыгаш,
Вытер Кобланды слезы рукавом,
Потом заговорил;

Вот что он сказал:
"Камни пестрые бывают на горе,
Когда горюют, льются слезы из глаз,
Когда ранит подмышку стрела,
Только близкий может опорой стать.
Если близкого друга нет,
Сложишь голову в стане врага.
Пряди черных волос твоих
Рассыпались по спине.
Дорогая моя Карлыгаш,
Если я задержусь, не вернусь,
Здесь не оставит вас в беде
Многочисленный род кипчак.
Карлыгаш, родная моя,
Слезы свои осуши,
Родная, дай поцеловать
Твои глаза в жемчуге слез.
Единственный сын у отца,
Вышел я на врага,
Не ведаю, что случится со мной,
Ты хоть и женщиной родилась,
Достоинства твои не умалю.
Повернись ко мне, милая Карлыгаш,
Дай поцелую в щеки тебя
И уеду со спокойной душой".

Подошла к батыру Кортка,
Говорит ему красавица Кортка:
"Негнущееся серебро мое,
Богом мне данный, вершина моя,
Радость моя, улыбка моя,
Когда соединились мы с тобой,
Стал мне мир просторней и светлей.
Из золота много сделано вещей,
Ты - весь рай для меня,
Ты - вода из источника Каус-Каусар,
Из райского сада плод.
Лев мой, будь жив, здоров!

Ты - приметный конь в табуне,
Конь жесткошерстный, вороной.
Оставив своих отца и мать,
Идешь ты навстречу беде,
Если уж собрался в путь,
Разве кого слушаешь ты,
Пока не добьешься своего?
Прощай, повелитель, в добрый путь!
Через высокий горный хребет
Перескочишь на Тайбурыле своем,
Опредишь на двенадцать дней
Кыятов, что ушли вчера.
Из двух занятых Казаном городов
Сначала город Сырлы возьмешь.
Поблизости от него
Возвышается гора Каскарлык,
Ты взойдешь на вершину ее,
Дашь коню поесть травы,
К битве подготовишь его
И отдохнешь, повелитель мой.
Твой ровесник по имени Караман
Захочет город Кырлы отбить,
Но не сможет, не осилит врага,
Его конь не перескочит шесть рвов,
Городские ворота не сможет открыть -
Не сможет похвастаться перед тобой.
И к тебе за помощью сам
Явится твой ровесник Караман.
Вот тогда его и пристыдишь
За то, что бабой тебя назвал.
Когда два коня хана Кобикты
Поскачут к косяку, Тайбурыла опередив,
Вот тогда и убедишься сам,
Что не выстоял он еще сорок три дня,
Вот тогда ты и поймешь,
Права была Кортка или неправа.
Когда девяностолетнему свекру моему

Нечем будет прикрыть свою наготу,
Когда о землю кызылбашей
Он пятки до крови сотрет,
Ты вернешься тогда, повелитель мой.
Когда шестидесятилетняя моя свекровь
Будет шерсть трепать и аркан плести,
Кипятить для брынзы молоко,
Будет с горя кровавые слезы лить,
Вот тогда вернешься ты назад.
Когда сестра твоя Бикешжан
С полотенцем на плече,
Повязав передником свой стан,
Будет чай кипятить для кызылбашей,
Ты вернешься тогда, повелитель мой.
Когда меня, оставшуюся без тебя,
Самый сильный среди врагов
Захочет себе в жены взять,
Когда запрет в темницу меня,
Когда горе переполнит душу мою,
Ты вернешься тогда, повелитель мой.
Под тобою быстроногий конь,
Ты - прославленный богатырь.
Предначертанную судьбу
Познает каждый, живущий на земле.
Ты отправляешься в поход.
Прощай! Да поможет тебе бог!"
Тем временем к Кобланды
С плачем подходит его мать
И, обняв богатыря,
Заливаясь слезами, говорит:
"О создатель восемнадцати тысяч миров,
Владыка всевышний, единственный!
Внемли моим словам!
Не оставляй меня в слезах!
На небесах пророк Кияс,
На земле пророк Ихлас,
Кто мой заступник, кроме вас?"

Вам в жертву ягненка принесу.
Не заступитесь - погибнем мы!
О духи предков, молим мы вас!
Ни один конь не опередит
Вращенного невесткой чалого коня,
Не даст стреле коснуться богатыря
Выкованная Даутом кольчуга его.
Создатель, препоручаю тебе
Сына, чей меч с рукоятью золотой.
Как ни хвастает белый сокол,
Но и он однажды попадает
Охотнику в силлок.
Как ни хвастает лучший скакун,
Но и он однажды упадет
В вырытый возле города ров.
Ихлас святой, Шашты-Азиз!
Ягненка моего, отправившегося в путь,
Препоручаю тебе одному!
Не дай моему ягненку упасть в ров,
Не дай ему повстречаться с бедой!
Если из этого похода
Возвратится невредимым он,
Серых баранов - двойню -
В жертву я принесу,
Серых верблюдов - двойню -
И тех принесу в жертву за тебя.
О Камбар, владыка озер!
О Камбар, владыка пустынь!
Ягненка моего, отправившегося в путь,
Препоручаю лишь тебе -
О Гали, наш лев!
В морозный день я ласкала его,
В туманный день нежила его,
Склонялась над колыбелью его,
Просыпалась, едва слышав его крик.
Из золота сделала ему колыбель,
Пеленала его в белый шелк.

Он - долгожданный ягненок мой,
Даже ребрагнулись мои,
Гнулись все десять пальцев моих,
Когда из колыбели его брала,
Как гусенка, водила его за собой,
На руки брала - немели руки мои.
О Хазрет в гробнице святой!
Всевышний Создатель, храните его!
Ягненка своего препоручаю тебе,
Сподвижник бога - Мухаммет,
Единственному моему помоги!"
Тогда молвил Кобланды:
"Успокойся, родная, не плачь.

До той поры, пока из похода не вернусь,
Богу препоручаю я
И отца, и мать, и всех родичей моих".
Богатыря Кобланды
Окружили люди, прощаются с ним.
У Токтарбая-старика
Глаза распухли от слез,
Колени у него дрожат -
Не может и шагу ступить,
На дороге стоит, рыдает он.
"Сопутствуй нашему единственному!" -
Всевышнего молят они.
Старик и старуха остались стоять,
К духам предков взывают они.
Кобланды на Тайбурыла вскочил,
Помчался, как вихрь, богатырь
На резвом Бурыле своем,
Отряды Карамана опередил.
Из кыятов никто за ним не поспел.
Резво мчится богатырский тулпар.
Летевший следом серый гусь
Сбился с пути в поднявшейся пыли.
По неприступному горному хребту
То скачет, то рысью бежит,

Мчится вихрем быстроногий тулпар,
Конь мигом перескочил перевал,
Заклубилась поднявшаяся пыль,
Дорога изрыта копытами коня.
Когда вперед устремлялся он,
В пятьсот саженой был его шаг.
Бурыл подпрыгнул до небес,
Взмылился пот на его груди.
Скачет, скачет резвый конь,
Камни вылетают из-под копыт,
Словно пули из ружей кызылбашей.
Легче тюбетейки казался ему
Сидящий на нем богатырь.
Конь широко раскрывает пасть,
Копытами сильно бьет,
Пыль, поднятую с одного холма,
Мешает с пылью на другом холме.
К вечеру конь Тайбурыл
Стал бесноваться, как злой дух,
Куланов и горных баранов
Обгоняет, скача им наперерез.
Сидящих вдоль берегов озер
Серых цапель и черных аистов
Давит он на скаку,
Даже не успевают взлететь.
Белые соколы и ястребы
Насытились мясом погибших птиц.
Через безлюдную пустынную степь,
Через безводье, куда и птица не летит,
Через земли, где не хаживал человек,
Через заболоченные мутные озера,
Через высокие горные перевалы,
Перескочив, мчится одинокий батыр.

К городу Казана Сырлы
Повернул, снова поскакал.
Через ворота в город перескочил.
Взятый Казаном город Сырлы

Захватил, разрушил Кобланды.
Город, названный Кырлы,
Что за шестью рядами рвов,
Окружили, взяв в кольцо,
Кыятов сорокатысячные войска.
Рванулся Бурыл, помчался, как вихрь,
Разбрызгивая пот, словно дождь,
Через шесть рядов рвов
В город Кырлы перескочил,
В середине города очутился батыр.
И вот навстречу ему,
По обычаю старших богатырей,
Выехал сам храбрец Казан
На коне вороном с лысинкой на лбу,
С заплетенной гривой и хвостом, завязанным узлом.
Выехал навстречу Кобланды Казан,
Силой захвативший чужой скот,
Кто бахвалился, говоря: "Вот я каков!"
С его век осыпается снег,
Ресницы покрылись льдом.
Раз в двенадцать дней он ложился спать,
Раз в тринадцать дней он ел,
Был он прославленным богатырем,
Родом он был из кызылбашей.
Искал он повсюду врага,
Тосковал, если не видел врага,
Когда он в ярость приходил,
Как снежный буран, завывал.
Кто же отстанет, коль вышел сам хан?
Сын хана Караул,
Сын бека Бегаул,
Джигиты хана - есаулы -
Все приспешники его
С фитильными ружьями в руках,
Черные соколы за пазухой у них,
Как трехлетки, что обскакали других, -
Все эти бравые молодцы,

Подгоняя своих пеших солдат,
Двинулись с войском на Кобланды.
Выступили сорокатысячные войска
С ханом Казаном во главе.
Богатырь хан Казан
Выехал один вперед,
Один поскакал к Кобланды,
Убедившись, что его не согнешь,
Натянул поводья вороного коня,
Обратившись к юному богатырю,
Сказал такие слова:
"Батыр из края Алатау,
Круп опал у твоего коня,
Похоже, он много скакал,
Полегла грива у твоего коня,
Похоже, преодолел он долгий путь.
Кровью налились глаза твои,
Похоже, спал ты тревожным сном.
К какому городу держишь путь?
В каком месте найдешь ночлег?
Чалый конь под тобою, батыр,
Чей же ты сын? Скажи,
Кто твой отец? Скажи.
Скажи-ка мне, кто твоя мать?
Я - Казан-батыр, тебе говорю:
Подойди, правду скажи. Подойди.
Шутки плохи со мной, я их не терплю.
Пока ты мой гнев не познал,
Блестящую кольчугу и чалого коня
Отдай, пока я не отобрал".
Тогда Кобланды говорит,
Вот что он говорит:
"Позорно для меня отдать коня
Такому поганому, как ты.
Успеешь еще коня отбить,
Не торопись, дай мне передохнуть.

Если не терпится, подойди,
Встречу как подобает тебя,
Безродный ты, от плохого отца,
Зачем же спрашиваешь о моем отце?
Безродный, от плохой матери, ты,
Зачем же спрашиваешь о матери моей?
Ты - высокий горный перевал,
Ты из рода кызылбашей.
Быстро собью твою спесь,
Раз ты, бахвалясь, явился сюда.
Из своей же раны теплую кровь,
Если будешь еще в силе, хлебнешь.
Храбрец, нападающий на врага,
У недостойного не спрашивает совет.
Гнев, что во мне кипит,
Подобен снежному бурану с дождем.
С кызылбашем я встречи искал.
Ударить бы саблей тебя,
Закричишь: "Искромсал ты меня!"
Пронзить бы тебя копьем,
Закричишь, что помял я тебя.
Убить бы из лука тебя,
Скажешь - был застигнут врасплох.
Под тобою саврасый конь,
Много вас, а я один.
Пред тобою я - юнец,
Делай все, что сможешь, со мной".
Батыры вступились за свою честь,
Будто вселился в них бес.
Кто же еще, если не бес?
Копьями с древками из ирги
Взмахнули, пронзили друг друга они,
Постояли, снова стали копьями колоть,
Изогнулись копья, все в крови.
Припали на колени кони их,
На кинжалах батыры дрались,
Мечами рубились они.

Кинжалы сломались у них,
Мечи изогнулись у них,
У обоих железные кольчуги
По колечкам разошлись.
И вот батыр Кобланды
Казана сдвинул копьём с седла
Прямо на круп его коня,
Взмахнул копьём и в него вонзил.
По белому телу кровь потекла,
Ударил еще, и отлетела его душа.
Казан свалился с коня,
Закричали воины его,
Многочисленным жителям города -
Всем весть подадут:
Погиб предводитель наш,
Скоротал он свой век.
Сорок тысяч конных кызылбашей
Сгрудились, словно отара овец,
Не могут сдвинуться с места,
Не смеют в город вернуться,
Не могут войти в ворота,
Скопились на холме, толпятся.
Сорок тысяч конных кызылбашей,
Увидав, что в одиночестве батыр,
Тут же стали его окружать,
Окружили со всех сторон.
Благородный Кобланды
Опечалился: "Один-одинешенек я,
Не на кого опереться мне.
Что пользы от того,
Что в Караспане много людей?
Если выстою, а кызылбаши побегут,
Кто расскажет о мужестве моем
Многочисленным кипчакам,
Живущим у горы Караспан?
Если случится, что я упаду,
Израненный ударом копья,

Железную кольчугу, что на мне,
Тайбурыла, что подо мной,
Кто доставит и даст весть обо мне
Старым отцу и матери моим?
Пусть сегодня же кровью окрасится
Железная кольчуга моя!
Увидел врага - разгневался я.
Мне ли бежать от врага?
Копью моему с зарубиной на древке
Вонзиться сегодня день настал,
Из лука болгарского бухарской стрелой
Настал сегодня день стрелять.
Копьем с зарубиной на древке
Проколю врага. Я клянусь!
Копье, что кровью напьешься, клянись!
Из лука болгарского бухарскую стрелу
Выпущу. Я клянусь!
Выдержать силу мою -
Не сломаться пополам, лук, клянись!
Не пробьет тебя ни стрела, ни меч,
Железная кольчуга, что выковал Даут!
Белое тело мое, что ласкали отец и мать,
Не дашь стреле пронзить, кольчуга, клянись!"
Когда Кобланды так сказал,
Предчувствуя, как тяжело будет ему,
Резвый конь его Тайбурыл
Встал на дыбы, на месте закружил.
Кобланды, рожденный богатырем,
Весь подобрался, распрявил свой стаи
Да пошлет ему благополучие бог!
Золотой с медным верхом шлем
Надвинул батыр до самых глаз.
Сорок тысяч конных кызылбашей
Для батыра - что сорок человек.
Пули, даже если стрелять в упор,
Как колючки, не смогут уколоть
Лицо богатыря Коблеке.

С его век осыпается снег,
Ресницы покрылись льдом,
Он разъярился, рассвирепел,
Один-одинешенек богатырь
Скачет, истребляет врагов,
Словно волк, напавший на овец,
Рубит он их на скаку.
В страхе бегут кызылбаши,
Как куланы, на которых напал тигр.
Белые руки его в крови,
Усталость во всем теле его.
Пробился через толпы врагов,
Всю свою мощь врагу показал.
Подмоги ему неоткуда ждать -
Жизнь его в руках судьбы.
Огромный стяг он поднял,
Пропитанный кровью стяг,
Сорок тысяч конных кызылбашей
Мечутся взад-вперед.
Мало их осталось в живых,
В бегство обратились они.
Да разве батыр даст им бежать?
Кобланды преградил им путь,
Бесстрашно пикой колол,
Сваливал одного за другим,
Копье у батыра Коблеке
Окрасилось в алой крови.
В городе новые воины поднялись,
Пробудившись ото сна.
Кобланды с теми, кто не убежал,
Сражался семь дней подряд,
Чуть ли не всех порубил.
Женщины в городе том,
Лишившись своих мужей,
Остались вдовами, осиротели они,
Кобланды сечу не прекратил,
На этом не успокоился он.

Направил своего коня
К городу Казана Кырлы,
Словно ясный сокол, стремглав,
В город ворвался на коне.
Не дав людям в лощины уйти,
Не дав стадам выйти в степь,
Предместье города кровью залил,
Поднял пыль столбом у ворот.
Город Казана с сорока воротами
К исходу восемнадцатого дня
Разрушил и развеял в прах.

Часть IV

Кобланды встретил своего сверстника Карамана, когда уже возвращался с победой. Караман опечалился: "Так и не коснувшись врага копьем, с неисполненным желанием ухожу", - сказал.

И он уговорил Кобланды совершить еще один поход.

И вот видят богатыри -
Возле озера Кубы
Пасущиеся табуны Кобикты,
Множество серо-пегих коней
С ушами, острыми, как у волков.
Со свистом погнали они коней,
На скаку заворачивают косяк,
Зычным криком согнанный табун
Собрался в единую горсть.
Оба, рядом друг с другом скача,
Стали угонять табуны
За высокий, высокий хребет,
За овраги и русла высохших рек.
Среди этих коней в табуне
Был сивый конь хана Кобикты,
Этот конь по кличке Тарлан
Настороженно посмотрел,
Вздернув голову, заржал,
Приняв за хозяина богатыря.
Но, почуяв, что чужие перед ним,
Взмахнул он хвостом,
К городу Тарлан поскакал.
Следом за ним батыры погнались,
Но повернуть его не смогли.
Огорчившись, что Тарлана не догнал,
Бурыл, на котором скакал Кобланды,
Пригнул голову к самой земле.
Сбылось предсказание Кортки -

Ведь не выстоял он сорока трех дней.
Когда погасла предутренняя звезда,
Когда красное солнце взошло,
Когда достигли подножья горы,
Остановился Кобланды-батыр,
Захотел немного передохнуть,
Он заснул богатырским сном.
Конь Тарлан в город прискакал,
Кобикты услышал топот коня,
Понял, что случилась беда,
Разбушевался он, закричал:
"Враг напал на табуны!"
Коня Тарлана остановил,
Второпях его оседлал,
Взял копье наперевес,
За угнанными табунами своими
Он следом поскакал.
Когда погасла предутренняя звезда,
Когда занялась утренняя заря,
Бушуя, как горный поток,
Блестя кольчугой своей,
С криком: "Эй, остановись!"-
Кобикты стал настигать богатырей.
"Эй! - кричит им хан Кобикты, -
Думали, без правителя наша страна?
Думали, нет хозяина над скотом?
Думали, у народа защитника нет?
На выпасе были мои табуны.
Кто ты - разогнавший моих коней?
На выгоне были мои табуны.
Кто ты - истоптавший выгон их?
Кони мои спокойно паслись
На зеленом лугу моем.
Кто ты - нарушивший их покой?"
Тем временем Караман
Нацелил свое копье,
Чтобы пронзить Кобикты.

Он хотел было храбрость проявить,
Не благословил его аллах -
Копью, что держал Караман,
Богатырь хан Кобикты
Не дал и дотронуться до себя--
Булавою, что держал он в руках,
Отбил копье, словно доп.
Бросился на Карамана Кобикты,
Схватился с ним один на один,
Начал его душить,
Как щенка, заставил скулить.
И еще коварное злодейство
Задумал Кобикты совершить.
Подумав: "Негоже, чтобы проснулся батыр", -
Кобикты направился к Кобланды,
К тому месту, где он спал,
Набросил на него девятирядную сеть
И крепко-накрепко его скрутил.

Убедившись, что сети не разорвать,
Кобикты решил разбудить
Богатыря Кобланды.
"Вставай!" - крикнул Кобикты.
Не встал богатырь Кобланды,
Не прервал он свой сон.
Что такое случится с ним,
Не приснилось бы и во сне!
Все забрал себе Кобикты -
Нет оружия при богатыре,
Беспечно он спал, забыв о враге,
И за это поплатился батыр.
И вот теперь он попал
К недругу в плен.
Пробудился батыр наконец,
Потянулся, еще не осознав,
Что недруг перед ним.
В сетях, что набросил на него Кобикты,
Что была в девять рядов сплетена,

Сразу пять рядов порвалось.
Изумленный стоит Кобикты,
Заметался батыр Кобланды,
Сделать ничего не смог -
Счастье отвернулось от него.

Привязав пленных к седлу, "словно лис степных, подстреленных в кустах", хан Кобикты привез их к себе домой.

Была у хана дочь по имени Карлыга
С глазами серыми, с носом прямым,
С прекрасным лучезарным лицом.
Призывая к себе Карлыгу,
Громко крикнул Кобикты:
"Дома ли ты, Карлыга,
Или нет тебя, Карлыга?
Двух пленников я привез.
Если замуж выдам тебя,
Подарю их тебе как рабов.
Карлыга, твердость прояви,
Отведи этих двоих
В темницу, двери накрепко закрой"

Часть V

Хан Кобикты позвал к себе сына Биршимбая и отправил его к врагу кипчаков - хану Алшагыру сообщить, что Кобланды пленен.

Теперь он сможет напасть на его род, что живет у горы Караспан.

Пусть себе едет Биршимбай.
Сократим долгий сказ,
Теперь о девушке речь поведем.
Когда прошло несколько дней,
Красавица Карлыга
Вошла в темницу к Кобланды.
Увидев светлый лик богатыря,
Изумилась, отпрянула назад,
Истома по телу красавицы разлилась.
Богатырь Кобланды
Казался ей превыше божества.
Грозным видом своим Кобланды
Льва ей напоминал.
Не смогла сделать ни шагу вперед,
Повернулась, пошла назад,
Карлыга возвратилась домой.
Красавица Карлыга
Всем сердцем полюбила богатыря,
Не выкинуть из сердца его.
Тяжело у красавицы на душе.
Да и как ей не горевать,
Если богатыря Кобланды
Крепко полюбила она?
Как-то в один из дней
Украдкой вышла из дома Карлыга,
По улочкам узким идет,
Легкой походкой идет,
Крадучись, идет она в тени.
Пришла она к Кобланды.

Оба батыра в темнице лежат,
Вдруг луна взошла, где не всходила никогда,
Солнце вдруг взошло, где не всходило никогда,
"Что это?" - подумав, смотрят они:
В темнице стало светло -
Это исходит сияние от Карлыги.

Карлыга предлагает богатырям бежать из темницы.

Караман с восторгом и благодарностью принимает это предложение, но Кобланды не желает принять милости из рук дочери врага. Тогда Карлыга прибегает к хитрости: любимого коня Кобланды подвергает мукам, чтобы заставить батыра выйти из темницы.

Карлыга вернула богатырям их коней и доспехи и вместе с ними поскакала, уводя с собой табуны отца. Но снова убежал из табуна сивый конь хана Кобикты Тарлан. Богатыри тщетно пытались догнать и вернуть его в табун. Конь известил хозяина о постигшей его беде. Кобикты догнал беглецов. Завязался тяжелый бой. И батырам не одолеть бы могучего хана, если бы не помощь Карлыги. Она знала уязвимое место на кольчуге отца и выдала эту тайну Кобланды. Стрела, выпущенная из лука Кобланды, рассекла надвое мощное тело хана Кобикты.

После победы над Кобикты Карлыга рассчитывала на ответную любовь Кобланды. Юный батыр остался равнодушным к пылкой красавице. По просьбе Карамана он уступил ему Карлыгу как добычу.

Соединив табуны Казана и Кобикты, батыры собрались в обратный путь. Но тут захромал конь Кобланды. Караман, не дождавшись друга, забрал всю добычу и вместе с Карлыгой отправился в путь.

Оставшись один в степи, без подмоги, Кобланды сильно опечалился; причитая, сетовал на жадность рода кыятов и Карамана, забравшего с собой всю добычу.

Истомившись, Кобланды уснул. Во сне явился к нему один из пророков и поведал о бедственном положении кипчаков, подвергшихся опустошительному набегу хана Алшагыра.

Пока Кобланды спал, к нему вернулась Карлыга.

Хоть и девушка, но молодец -
От Карамана убежала она,
И пока спал Кобланды,
Коня Бурыла развязала она,
Его с Акмоншаком своим
Пасла в зарослях ковыля.
Кобланды сильно горевал,
Слезы блестели у него на глазах.
Подходит к девушке, говорит:
"Стала ты мне другом, Карлыга,
Враг напал на мой родной край,
Нанес мне в спину удар,
Перерезал мою коновязь.
Оставленный мною многочисленный род
В страшном горе сейчас.
Похоже, враг Алшагыр захватил
Мою стоянку у горы Караспан.
Придет ли на подмогу ко мне
Сын Сеила Караман?
Хоть ты и женщина, но мне ровня,
Печаль свою с тобою делю.
Прощай, Карлыга, желаю тебе удач!
К народу моему, захваченному врагом,
Не ожидая помощи ни от кого,
Сейчас я один ухожу".
Молвит тогда Карлыга*
У такого батыра, как ты,
Разве отнимет землю враг!
Когда покидала я свой дом,
Думала, что ты будешь мне
Суженый богом супруг.
От того, что останусь без тебя,
Бесконечно страдать буду я.
Ради тебя покинула свой дом,
Ничего мне не жаль для тебя -
Даже душу не пожалею свою!

Если горе познал твой народ,
Если кровью страна залита,
В захваченную врагом страну
Отправляйся скорее, батыр!
В разрушенную врагом страну
Отправляйся скорее, батыр!
Я к Караману пойду -
Скажу, чтоб он на помощь пришел.
Если батыры пойдут, всех соберу,
Если не пойдут, оставлю их
И не позже, чем завтра к полудню,
Кобланды, я к тебе прискачу".
Попрощавшись с Карлыгой,
Кобланды на Тайбурыла вскочил,
Взял копье наперевес,
На пояс повесил меч.
Бурыла, что, как сокол, крылат,
Направил к горе Караспан.

В развалинах опустевшей родной стоянки Кобланды нашел пищу, предусмотрительно оставленную для него женой Корткой. Подкрепившись,

Кобланды подъехал к крепости хана Алшагыра.

Солнце еще не взошло,
Как город объехал он.
"Где же ворота, чтоб въехать?" - сказал.
Не нашел ворот, чтобы войти,
Не нашел и щели, где бы пролезть.
Пока солнце не взошло, богатырь
Стал вокруг города объезжать.
Когда доехал до бойницы в стене,
Когда доехал до поворота он,
Услышал богатырь голос отца.
Старик Токтар плакал и причитал,
Единственного сына-защитника вспоминал:
"Горем переполнена моя душа.
Будь ты проклят, Алшагыр!

Свою жестокость ты нам показал.
Единственный мой вернется живым, -
Дождешься, не торопись, кызылбаш!
Он воздаст по заслугам тебе.
Быстротечен, переменчив мир!
Если и вправду сына лишился я,
Если скоро не вернешься, единственный мой,
Чем быть у недруга рабом,
Лучше бы мне, несчастному, умереть!"

Часть VI

Кобланды услышал плач родной матери, как она "словно верблюдица по верблюжонку ревет".

Старая Аналык вспоминала счастливые времена, когда Кобланды был дома и кипчаки жили на своей стоянке. Вспоминала, как она шила Кобланды бешмет из бархата, красивые тюбетейки, шапку меховую с перьями филина, как ездила она впереди каравана на иноходце, а на тое по случаю новой стоянки одевалась в парчу. Но теперь пришлось ей познать муки мученические в плену у врага.

В эту ночь старая мать увидела сон: "Обе иссохшие груди мои, налившись, открылись, как родник. Не к тому ли, что мой родной придет и к ним прильнет губами?" Аналык рассказывает старику о своем предчувствии: "Дергается правая бровь - не к радости ли это? Дергается моя губа - не к тому ли, что буду единственного моего целовать? Дергается под коленом у меня - не к тому ли, что к подножью горы Караспан снова откочует наш род кипчак?"

До Кобланды доносится голос сестры:

"Постой, матушка милая, не плачь,
И я видела сон о брате своем
Вчера, в прошедшую ночь.
Секира, что оставил брат,
Коснулась камня, остался рубец.
Заточили ее и стала такой, как была.
Неужели не сжалится творец
Над нами, сиротами несчастными?
Кто же, как не сироты, мы?
Проклятый хан Алшагыр
Причинил нам много бед.
Был бы дома мой милый брат,
Разве разрушил бы наш город Алшагыр?
Послушайте, родные отец и мать!

Пророки мне подали весть,
Надеждою полна моя душа.
Должно быть, уже недалеко
Конь Бурыл, на котором скачет брат.
Должно быть, приближается родной коке,
Погоня камчой Тайбурыла своего".
Кобланды услышал голос жены,
Подошла Кортка и говорит:
"Подожди немного, милая Бикеш!
В понедельник в полуденный час
Видела я на небе луну,
На вершине горы Караспан
Пустила в небо сокола я,
На равнине вырыла ров.
В ущелье горы Караша - родник,
У подножья ее резвится архар.
Не у каждого может быть
Такой стан, как у повелителя моего.
Слабыми создал нас бог -
Женщинами с подолом до земли.
Тело белое мое, что ласкал мой супруг,
Неужели достанется врагу?
Насильно хочет в жены меня взять
Ничтожный иноверец Алшагыр.
Богом мне суждено
Пережить насилие от врага.
Конь Бурыл, ты был, как ребенок, мне,
В какую же сторону ты ускакал?
Когда ты был мал, выхаживала тебя,
Золотыми подковами подковала тебя,
До сорока дней я кормила тебя
Молоком давно жеребившихся кобылиц.
Чтобы ты здоровым и крепким рос,
Сорок дней я кормила тебя
Молоком кобылицы, ожеребившейся в первый раз.
Когда прошло восемьдесят дней,
Когда подошел девяностый день,

Чтобы ты не исхудал, не уставал,
Чтобы ты сапом не болел,
Давала я тебе корм,
Добавляя снадобье из красной травы.
Стригунком ты сосал, трехлеткой сосал,
Выхаживала тебя. Чем же ты мне отплатил?
Когда исполнилось тебе пять лет,
Зная, что охоч ты до кобылиц,
К пяти кобылицам я пускала тебя.
Бурыл, сама на аркане водила тебя.
Был ты словно ребенок мне.
Была я как мать для тебя.
Покажись хоть издали мне!
В какую же сторону ускакал
Ты - добрый спутник богатыря?
В этот тяжкий час для меня
Хочу, чтоб предстал предо мной
Ты с повелителем моим.
В душе у меня одна мечта:
Живым-здоровым пришел бы он!
Разгромил бы своего врага!"
Скорбные рыдания Кортки,
Громкий ее зов донеслись
До ушей богатырского коня,
Что за стенами города стоял,
За воротами с бойницами стоял.
Когда услышал он Кортку,
Когда узнал свою "мать",
Заржал тулпар несколько раз,
Издав он громкий крик.
Ржание Тайбурыла-коня
До Кортки по ветру донеслось.
Это ржание узнала она,
Отлегло у нее на душе.

Услышав ржание богатырского коня Бурыла, Кортка поняла, что прибыл Кобланды и находится где-то недалеко.

Под покровом ночи Кортке удастся выйти за ворота города на тайное свидание. Кобланды встретил супругу радостно. Но Кортка, решив испытать любовь мужа, говорит ему, что, не устояв перед насилием одного из супостатов, она ждет ребенка и теперь не знает, как муж решит ее участь. Кобланды отвечает, что в этом он не видит большой беды: "Вырастет ребенок человеком, будет мне помощником".

Тогда Кортка призналась, что обманула его. Попрощавшись с мужем, она поспешила в город подбодрить родичей радостным известием о прибытии Кобланды.

Тем временем подоспела подмога к Кобланды: прискакала Карлыга вместе с богатырями Ораком и Караманом.

Когда наступил рассвет,
Четверо сивогривых,
К единому богу воззвав,
Сели верхом на коней,
Кольчуги надели на себя,
На пояс повесили мечи,
Взяли копья наперевес.
Поскакали к городу врага,
К городу приблизились они,
Нахмурился славный богатырь
Кобланды, родившийся львом,
Лишь только солнце взошло,
Решился на приступ идти.
Ведь отец, и мать, и его народ
Томились в неволе, в плену.
Когда подъехали к воротам они,
Громко крикнул Кобланды,
Взревел он, словно нар:
"Эй, Алшагыр, Алшагыр!
Мое имя Кобланды, выходи!"
С тех пор как стал ханом Алшагыр,
Он слыл батыром-храбрецом,
На поединках он убил
Многих мусульман-смельчаков!

Среди кызылбашей он - слон.
Как только достиг его ушей
Боевой клич Кобланды,
Как только услышал его клич,
Алшагыр медлить не стал,
Кольчугу надел на себя,
На пояс повесил меч,
Взял копье наперевес,
На резвого мерина вскочил,
Который, из низины скача,
На склоне горы обгонит других.
На коне золотое седло со сбруей,
Хвост его накрепко завязан узлом,
Подумал: "Если к батыру, что вызвал меня,
Не выйду, он меня трусом сочтет", -
И выехал навстречу ему.
Глаза его разгорелись, как у лисы,
Он вскипел. Не надеясь на оружие свое,
Вонзил он в камень копье,
На целую четверть вонзил.
Коблеке прискакал со своей стороны,
Гарцуя на Тайбурыле-коне.
Решив не поступиться честью своей,
Оба батыра устремились вперед,
Сблизились они, сошлись
Батыры, злобу затаив,
Ни слова не проронив,
Оба попятились назад.
Нацелив копья на дубовых древках,
Постояли и пронзили друг друга они,
На колени припали кони их,
У батыров, что кололи копьем,
Судорогой ноги свело,
Онемели пальцы на руках.
Не смог один другого одолеть,
Ни один из них не убит.
На кинжалах они дрались,

Мечами рубились они,
Так вот бились богатыри, -
Кинжалы сломались у них,
Мечи изогнулись у них,
С кровью смешалась их слюна,
Отплевывались кровью они.
Тут Алшагыр надежду потерял
Увидеть свой многочисленный род.
Богатырь Кобланды,
Взметнув копьё, Алшагыра пронзил,
Сдвинул копьём на круп коня.
Грозен был батыр Кобланды,
Кипучую силу его разве уймешь?
Копье могучим ударом вонзил -
Вонзилось до самых костей врага,
Хана Алшагыра одолел,
Угасли дни жизни его.
За Алшагыром вслед
Выехали из города, поскакав,
Сыновья Кызылера-храбреца,
Которого убил Кобланды,
Когда вез Кортку впервые в свой край.
Они затаили злобу с давних пор

На кипчакского богатыря.
Старший брат был Аганас,
Младший брат был Тоганас.
На богатыря Кобланды
С копьями наперевес
Яростно бросились они,
Огромные, как гора Караспан,
Двое их, а он один,
Нацелили копья на дубовых древках,
Окружили его с двух сторон,
С коня стали сталкивать копьём.
Падающего с коня Кобланды
Заметила красавица Карлыга,
Подскакала к ним Карлыга,

Аганаса в тот же миг
Схватила, отшвырнула она.
Покачнувшийся на коне
Снова выпрямился Кобланды,
Тоганаса, что остался один,
Кобланды зацепил копьем, столкнул.
Вслед за этими двумя
Выехал на бой Актайлак.
Батыр Орак в тот же миг
Схватил Актайлака и, как камень, швырнул
За Актайлаком вслед
Из города прискакал
Его сын Наркызыл.
Караман, выехав со своей стороны,
И его зацепил, на землю швырнул,
Выехал из города Карадау -
Богатырь, чья голова с котел,
Карлыга зацепила копьем, сбросила его.
За Карадау вслед
Выехал богатырь Кара,
Коблеке зацепил копьем, сбросил его.
Вот так богатыри
Поочередно вчетвером
Повалили врагов, как снопы.
Тут выскочил из ворот богатырь,
Быстрый, как течение в устье реки,
Держа копье наперевес,
В шубе, отделанной золотом по краям,
Сильнейший из кызылбашей -
Сын хана Кобикты - Биршимбай.
Выехал из города Биршимбай,
Выехал, поскакал Биршимбай,
Наскочил на батыров Биршимбай,
Схватил за глотку одного,
Крикнул: "Показали вы храбрость свою,
Потому, что меня не было здесь!"
Подскакал к ним Биршимбай

И без лишних слов
Кольнул один раз Кобланды,
Кольнул один раз Карлыгу,
Карамана один раз кольнул,
Кольнул один раз Орака-богатыря.
Биршимбай на серо-пегом коне,
Сорвавшись с места, поскакал.
На лбу его выступил пот,
Собрался с силою Биршимбай,
Играет силой кипучей своей,
Батыров, стоящих в плотном ряду,
И за одного человека не счел.

Вот так Биршимбай
Каждого трижды копьём кольнул,
В тела их копьё он вонзил.
Когда каждого трижды кольнуло копьё,
Когда в тела их вонзилось копьё,
Четверо сивогривых лишились сил.
Увидев, что батыры выбились из сил,
Красавица Карлыга говорит:
"Животное не вынесет боли от ссадин,
Человек не выдержит боли душевной.
Вы пока оставайтесь здесь.
Джигиты, я сама справлюсь с ним,
Я сама его убью, - говорит. -
Сила у моего отца
Больше моей на один батман,
А сила Биршимбая - брата моего -
На восемь батманов больше, чем у отца.
Кольчугу, что надета на нем,
Выстрелом не пробить,
Саблей ее не изрубить,
Есть в ней только один просвет
На ворота, возле шеи, позади,
Стреляйте в затылок ему,
Джигиты, послушайте меня.
Если его хитростью не возьму,

Никак иначе не одолею его".
Так сказала Карлыга,
С головы шапку меховую сорвала,
Распустила волосы она,
Коня Акмоншака плетью хлестнув,
К Биршимбаю подскакала Карлыга.
Биршимбаю она говорит:
"Дорогой мой Биршимбай,
Выслушай меня, родной!
Когда ты уехал, Биршимбай,
Кобланды из неволи бежал,
Собрав войска, сюда он пришел.
Отец не смог его одолеть,
Он на поединке был убит.
Я сражалась, не жалея жизни своей,
Отец не смог мне помочь,
Я одна одолела всех врагов,
Только эти трое богатырей
Бегством спаслись от меня.
Я не смогла на месте устоять -
Одна за ними погналась.
Хоть и погибну, не пожалею ни о чем
Ведь бог милостив - я повидала тебя!
Ты - отважный, мой дорогой,
Единственный, брат мой Биршимбай.
Да буду жертвою за тебя!
Убежавшие от меня трое врагов
Сами явились сюда. Вот они!
Выслушай то, что скажу,
Одиночество познала я -
Печаль у меня на душе.
Этих недругов не смогла я одолеть.
Мы сейчас поблизости от врага.
Меня - всю израненную в бою,
Увези подальше от людей,
Потом вернись и за все отомсти".
С головы шапку меховую сорвав,

Сестра Биршимбая Карлыга
Стоит перед ним, и плачет она.
Тогда говорит Биршимбай:
"Ой, сестра родная, я не знал,
Что ты здесь, среди врагов,
Я своим острым копьём
Налево-направо колол,
В глазах у меня было темно,
Я тебя и не узнал.
Подойди же сюда, милая сестра,
В горы тебя увезу,
Потом вернусь и трех богатырей
Поочередно копьём проколю".
Биршимбай поскакал впереди,
Красавица Карлыга,
Оглядевшись по сторонам,
Подумала: "Вот, где затылок твой, -
Подумала: - Вот, где погибель твоя".
Когда медленно ехал Биршимбай,
Взяла и ударила его Карлыга.
Биршимбай был впереди, как кошкар, -
Ехал, не оглядываясь по сторонам,
Не оборачиваясь назад.
Вдруг удар в затылок получил.
Биршимбай повалился с коня,
Вскричав: "О, сестра!" - зарыдал.
От коварства Карлыги он погиб.
Ведя на поводу его пегого коня,
Скачет Карлыга напрямик,
Прискакала к трем богатырям.
Победив многочисленных врагов,
Успокоились богатыри.
Нагрузив на повозки все добро,
Кипчаки с Токтаром во главе
Шумно выезжают из городских ворот,
Не оставив там ни женщин, ни детей.
Неподалеку течет река Есиль,

Срублен тальник на ее берегах.
Когда полуденный час настал,
Возле больших городских ворот
Многочисленные кипчаки, из города выходя,
С шумом, словно отары овец,
С шумом, словно отары ягнят,
Встретились с батыром Кобланды.
Народ, освобожденный от врага,
Приветствовал юного Кобланды.
Одолов многочисленного врага,
Довольны все богатыри.
Нападавший на кипчаков Алшагыр
Загубил свой народ.
Разрушив город врага, батыр
Успокоил плачущих кипчакских детей,
Сказал им: "Родные мои!"
Стада, что в добычу взял, погнал
В низовье горы Караспан.
Многие кипчаки, многие кыяты
Разбогатели от добычи такой.
Скот, взятый в добычу у врага,
Прямо к горе Караспан
Спешно угоняли, мчась на конях.
Прошло три месяца и три дня,
Снова разбили стоянку свою
У подножья горы Караспан,
Возле озера, что зовется Азулы,
Перекочевав назад, в те места,
Откуда их силой угнал Алшагыр,
Собрав свой многочисленный род,
Кобланды-батыр всем раздал
Добычу, что взял у врагов,
Разделил справедливо среди всех
Неимущих, нищих и бедняков.
Бедняки с баями стали равны.
Все довольны храбрецом Кобланды.
Устроив веселье на тридцать дней,

Устроив сорокадневный той,
Свершили брачный обряд
Над богатырем Кобланды
И красавицей Корткой.
Девяносто две снохи
Подали батыру и Кортке
Нарезанный подгривный жир,
Чашу меда поставили им.
Изо всех сил старались они -
Умницы-разумницы, справедливые во всем,
С талиями, как у муравья,
Иве подобен их стройный стан.
Девяносто две снохи
Стелят новобрачным постель,
Говоря: "Наш Кobleке с дороги устал", -
Шелковые одеяла встряхнув,
Разглаживая, кладут на постель.
Когда красное солнце зашло,
Когда люди ложились спать,
Девяносто две снохи,
Взяв за руки, повели Кобланды
К белой юрте напрямик.
В белую юрту, поставленную для Кортки,
Привели богатыря и сами вошли.
Луноликую с талией, как волосок,
Кортку отдали богатырю.
Оставим пока об этом рассказ.
Теперь правдиво поведаю о том,
Что случилось с красавицей Карлыгой.
Не взял Кобланды в жены Карлыгу,
И к Караману она не пошла.
Не зная, как же ей быть,
Горюет красавица Карлыга.
На одиночество себя обрекла,
Разобиженная на Кобланды,
Поставила большой шатер

На самой вершине горы
И стала жить там одна.

Часть VII

Вскоре Кобланды, устроив большой свадебный той, выдал свою сестру Карлыгаш за батыра Орака.

Вслед за этим объявил свою свадьбу и Караман. Он сказал: "Я женюсь на двух сестрах Алшагыра - Каникей и Тыникей и хочу, чтобы Кобланды и Кортка прибыли ко мне на свадебный той".

Кобланды и Кортка собрались в путь, в край Карамана, на свадебный той. И вот по пути в полуденный час они увидели юрту, поставленную Карлыгой.

Карлыга приглашает Кобланды и Кортку в юрту, просит остаться ночевать как гостей.

Обращаясь к Кобланды и Кортке,
Сказала она несколько слов:
"У меня верховой конь Акмоншак,
Кунья шапка на моей голове,
Я пускаю зеленую стрелу.
Кобланды, я из-за тебя
Рисковала своей головой,
Вместе с тобою принимала бой,
Завязав волосы на макушке узлом.
Теперь одиноко живу на горе,
Горькие слезы я лью.
Неужели ты этого хотел?
Чем же провинилась перед тобой?
Ты на муку меня обрек".
У красавицы Карлыги
Сердце пылает огнем.
Красавица Кортка,
Увидев, что плачет Карлыга,
Говорит: "Остановимся у нее!"
В Арке сосна растет,

Жестоким создал его бог -
Не завернул к ней Кобланды,
Уехал, взяв с собою Кортку.
Плачет, всхлипывая, Карлыга,
Вспомнив обо всем, что пережила.
Опираясь на белое копьё,
С трудом дошла Карлыга
До своего белого шатра.
Уехали Кобланды и Кортка
К Караману на свадебный той.
Пробыли два месяца на тое у него.
Когда возвращались в свой родной край,
Проведя в пути несколько дней,
Снова увидел Кобланды
Юрту, поставленную Карлыгой.
Карлыга, выйдя навстречу им,
Сказала батыру Кобланды:
"Я приготовила чай, вам подам,
В золотой чаше масло подам.
Есть у красавицы Карлыги
Угощение, есть, где вас принять.
И родным отцом, и краем родным
Ради кого пожертвовала я?
Знаешь ли ты, Кобланды?"
У красавицы Карлыги
Сердце пылает огнем.
Упрашивала: "Остановитесь у меня!
В горах я одиноко живу".
Как ни молила слезно его,
Не завернул к ней Кобланды,
Уехал, взяв с собою Кортку.
Когда возвратились в родной край,
Когда увидели в благоденствии народ,
Когда со дня соединения Кобланды
С несравненной красавицей Корткой
Прошло девять месяцев и десять дней,
Вот настала пора, и родился сын,

Макушкой о землю стукнулся он,
Лоб его на солнце сверкнул.
Сорок женщин, окружавших Кортку,
Подняли ребенка с земли,
Запеленали его в белый шелк;
Когда затрепыхалось дитя,
Все пеленки в клочья порвались.
Сказали: "Ведь родился лев!"
Очень обрадовался весь народ,
Во все края послали радостную весть.
Посланники со стягом в руках
Девять дней созывали людей.
По случаю наречения сына
Устроил той Кобланды-батыр.
Со стоянки Есимбай, у озера Елик,
С зимней стоянки Бухаржай
Много кипчаков и ногайцев пришло,
Знатные люди вместе сошлись,
Ребенку дали имя Букенбай.

Букенбая, когда исполнилось ему шесть лет, отправили к Естемесу, к табунам.

Там его обучали верховой езде, умению держать копьё. Мирно шли дни у Кобланды с Корткой.

Вдруг внезапно появился враг. Богатырь по имени Шошай, собрав сорокатысячное войско, пошел на кипчаков, чтобы отомстить за смерть своего дяди - хана Кобикты.

Когда красное солнце взошло,
Когда еще спал Кобланды,
Недалеко, у подножья горы,
Где была привязь кобылиц,
Поднялась густая пыль.
Услыхав топот коней,
Кортка подумала: "Это кызылбаши".
Пришли они, напирают копьем

На дверь, за которой спит Кобланды.
Красавица Кортка
Не хочет батыра будить,
Нежно голову его обхватив,
На свои колени положив,
Ярко-красным шелковым платком
Обмахивает богатыря.
О Козы Корпеш! О Баян!
Ощувив аромат ее платка,
Заслышав крики врагов,
Пробудился Кобланды-батыр.
Всем телом вздрогнул он,
Похолодело, забилося сердце у него.
Испытанный батыр Кобланды
Приподнялся, с ложа вскочил.
Без шапки, в одной тюбетейке он.
Без чапана, в одной рубашке он,
Без шаровар, в одних штанах,
Схватил копьё, что стояло у двери,
Выбежал из юрты Кобланды,
Громким голосом закричал.
От голоса батыра Кобланды
Разверзлась вся земля.
Утренний крик богатыря
Разнесся на расстояние месячного пути.
Грозно он кричит,
Кричит, словно могучий нар.
Врагов своих, что были у дверей,
Напугал он криком своим,
Подмял их, словно нар камыш.
Поволок свое копьё за собой,
Вышел он на простор.
Богатырь стал взывать
К семи покровителям своим.
Вскричал: "Кто же известит
Сына Букенбая, что при табунах,
Что враг напал на наш аул?"

Выбежала из юрты Кортка,
Бурыла, что у кормушки стоял,
Быстро оседлала она,
Вынесла доспехи богатыря.
Кортка несравненной красоты
Спешит, сбилась она с ног.
Когда на Бурыла сел верхом,
Когда доспехи на себя надел,
Когда пророки силу ниспослали ему,
Стал батыр, словно бурлящий поток.
Напавшие на стоянку кызылбаши,
Испугавшись гнева богатыря,
Бежали, укрылись за горой.
Остановились у подножья горы.
Кобланды, родившийся львом,
Вскочил на Тайбурыла-коня,
Он издал грозный крик,
Ударил в барабан, притороченный к седлу,
Горячится его конь Тайбурыл.
"Кызылбаш, выходи на поединок!" - кричит.
Вплотную приблизился к врагу.
Хан кызылбашей Шошай:
"Изготовлюсь-ка к бою", - сказав,
У богатыря Кобланды
Сроку три дня попросил.
Сказав: "Все равно не добьется своего", -
Дал согласие Кобланды-батыр.
На этом остановим рассказ.

Часть VIII

Семь полных лет прожила Карлыга в одиночестве, в горах, потеряв надежду встретиться с Кобланды, не познав счастья в любви.

Но, узнав о предстоящем бое Кобланды с кызылбашами, Карлыга снова вышла на поле битвы.

Увидав вдали густую пыль,
Услыхав клич богатыря,
Узнав, что пришел враг,
Карлыга вскочила на коня,
Прискакала на Акмоншаке своем.
Следом за Карлыгой
Сын Сеила Караман,
Увидав вдали густую пыль,
Услыхав большой шум,
Услыхав клич богатыря,
Узнав, что пришел враг,
На сивом пятилетнем коне,
Что был братом Акмоншаку-коню,
Прискакал следом за Карлыгой,
И он присоединился к богатырю.
За Караманом вслед
Едет Орак, от обычая не отступясь.
Он - родник, что с гор течет.
Сестра Кобланды Карлыгаш,
Поднявшись рано поутру,
Выйдя в широкую степь,
Увидев пыль, услышав шум,
Услыхав клич брата своего,
Сказав: "Это голос моего коке, -
Сказав: - Что-то случилось с ним", -
Ораку покоя не дала
Мудрая красавица Карлыгаш,
Что вместе с батыром родилась.

Сказала: "Иди быстрее, мой батыр,
Ради коке моего и ради тебя
Да буду жертвою ради вас!"
Карлыгаш оседлала рыжего коня,
Снарядила в дорогу богатыря,
И Орак спешно поскакал
На зов батыра Кобланды.
Следом за Ораком-храбрецом,
Услыхав клич богатыря,
Увидав вдали густую пыль,
Узнав, что пришел враг,
Выехал и сын Кобланды,
Шестилетний батыр Букенбай.
Кунья шапка на его голове,
Под ним саврасый конь,
С батыром Естемесом скача,
Сурово нахмутив бровь,
Как ясный сокол, устремился вперед.
За Букенбаем вслед
На гнедом гривастом коне,
С куруком в руке,
В доспехах с ног до головы
Прискакал и батыр Естемес.
Все шестеро собрались,
Словно сайгаки, стремглав понеслись.
Кончился срок, что испросил Шошай,
Для хана Шошая и Кобланды
Настал поединка час.
Когда один на другого кинулись с копьём
И стали друг друга копьями колоть,
Приблизилась Карлыга, сказав:
"Не осудят, если месть за месть,
Не осудят, если зло за зло, -
У хана Шошая на глазах
Я отомщу обидчику своему", -
Ударила Карлыга Кобланды,
Ударила копьём по бедру.

Сбросила батыра с коня,
Опозорив его у врага на глазах,
Довольная собой и силой своей,
Даже ни на кого не взглянув,
Поскакала к своему белому шатру,
Что поставила на горе Караспан.
Когда упал с коня Кобланды,
Окружили Бурыла враги,
Не выпуская из своего кольца,
Сказали: "Поймаем богатырского коня".
Не дался Бурыл в руки врага.
Кружит возле раненого богатыря,
Говорит: "Сможешь ли сесть на меня?"
Когда воины окружили его,
Как волк, бросался он на врагов,
Не дал им себя поймать,
Бурыл с шумом взлетел в небеса.
Коль не смогли его поймать на земле,
Кто же настигнет его в небесах?
И вот Бурыла увидал
Сын Сеила Караман,
Догадался, что упал с коня батыр,
Устремился прямо в гущу войск.
Коня Бурыла увидал
Храбрец - богатырь Орак,
Догадался, что случилась беда,
И на поджаром гнедом коне
Устремился прямо в гущу войск.
Тайбурыла увидал,
Догадался, что упал батыр,
Юный Букенбай, сын Кобланды.
В куньей шапке на голове,
Сурово нахмутив бровь,
На своем саврасом коне,
Как ясный сокол, устремился вперед,
Засучив рукава, полы подобрал,
Букенбай, родившийся львом,

Устремился в гущу войск.
Увидели все, как он
Проложил путь к раненому отцу,
К тому месту подскакал,
Где упал раненый Кобланды.

Подоспел на помощь и Естемес, храбрый из храбрейших. Увидя раненого батыра, он тут же повернул коня и поспешил к юрте Кортки.

К Кортке прискакал Естемес,
Подошел к ней и говорит:
"Ранен богатырь, - говорит, -
Что же ты сидишь? - говорит. -
Чтобы рану батыру перевязать,
Возьми из медвежьей желчи мазь,
Скорее бери и скачи к нему, -
Если он кровью истечет,
Обессилет совсем, - говорит. -
Скорее садись на коня,
Ранен мой батыр, - говорит, -
Исцелим его", - говорит.
Растерялась Кортка, услышав,
Что упал богатырь в бою,
Льются слезы у нее из глаз,
Видно, как засуетилась она -
Споткнулась, наступила на подол.
Сказала красавица Кортка:
"Пусть иноходца приведут".
А старик наш Естемес
Все кричит, торопит людей,
Кричит: "Поспешите! Скорей!"
Лицо его горит, он не ждет,
Он как туча на небе перед дождем.
"Над лежащим Кобланды
Быстрее шатер поставьте", - говорит.

Кобланды лежал без сознания. Когда он очнулся, позвал к себе сына и дал ему наказ преследовать хана Шошая и убить. Юный Букенбай, проявив храбрость, в поединке победил хана Шошая.

Встретив сына, возвратившегося с поля битвы, Кортка рассказала ему о душевных муках Кобланды, о том, что он не может забыть коварного удара Карлыги.

"Отец не в силах сесть на коня,
Не в силах взять копьё наперевес,
Не может подняться он
После удара огромного копья.
Сетуёт твой отец, говоря:
"Перед ханом не преклонял я колен,
Перед батыром не преклонял я колен,
Перед женщиной рухнул на колени я".
Лежит твой отец, опозорен он,
Разгневан повелитель мой,
Он не ест и не пьёт.
Карлыгу, пронзившую отца копьем
И скрывшуюся в горах,
Если хватит у тебя сил,
Сбрось с коня, пешей сюда приведи.
Милый мой Букенбай!
Такая у меня просьба к тебе.
Красавицу Карлыгу
Не ударь, не мучай ее.
Много добрых дел сделала она
Для отца твоего.
Вдруг нечаянно ее убьешь,
Я этого тебе не прощу!"
Славный батыр Букенбай
Вскочил на Тайбурыла-коня
И отправился по следу Карлыги.
Крикнул Тайбурылу: "Чу!"
Помчался чалый, как вихрь, гудя,
Копытами не касаясь земли,
Уздечка золотая поблескивает,

Нагрудник из золота самородного
Позвякивает у него на груди.
Скачет и видит Букенбай -
На вершине горы Караспан,
Сидя верхом на Акмоншаке-коне,
Что на месте не стоит,
Показалась красавица Карлыга.
Крикнул, увидев ее, Букенбай:
"Не беги, Карлыга, не беги!"
Батыр Букенбай устремился к ней.
Сказала: "Не теряйся, Букен, не беги", -
Карлыга выехала навстречу ему.

Букенбай говорит Карлыге, что он получил наказ матери не причинять ей зла, не вступать с ней в бой.

Он звал ее следовать за ним, явиться к отцу. Но Карлыга не смогла унять свой гнев, безжалостно ударила его копьем.

Убедившись, что Карлыга не настроена мирно, Букенбай вступил с ней в бой, столкнул копьем с коня.

Затем посадил ее на коня.

Ведя на поводу коня Карлыги,
Букенбай въезжает в аул.
Топот двух богатырских скакунов
Услыхала красавица Кортка.
Сказала: "Приехал, привез Карлыгу", -
Батыру об этом весть дает.
Ведя за руку Карлыгу,
Входит в юрту его сын.
Истосковавшись по сыну своему,
Богатырь Коблан смотрит на него,
Приподнявшись на ложе своем.
Увидал он и Карлыгу,
Которую привел его сын.
Семь лет прожила она в горах,
Горевала красавица Карлыга,

Понял это богатырь.
Когда ударила его копьем,
Сильно разгневался он,
Но теперь гнев его прошел,
Успокоился, радостно стало на душе.
Сказал: "Где же мулла в этих краях?
Карлыгу и меня пусть соединит".

Весть об этом услышал народ, услышал и ровесник батыра Караман.

Зарезал шестьдесят кобылиц,
Призвал народ из шести родов.
Зарезал семьдесят кобылиц,
Призвал народ из семи родов.
Тут воздал хвалу народ
Караману-богатырю.
У берега большого озера
Он разбил множество шатров,
Призвал Кобланды вместе с Корткой,
Сказав: "Пусть приедут на той", -
Да еще и Орака пригласил.
Когда той подошел к концу,
Когда закончились забавы, торжество,
Караман позвал Кобланды к себе,
Позвал и красавицу Карлыгу.
Вот что он сказал:
"Пусть обида уйдет из ваших сердец! -
Сказал: - Без утайки говорите все,
Пусть не останется обиды в душе,
Пусть не будет ни лжи, ни клеветы".
Когда сказал так Караман,
Начала говорить Карлыга:
"Кобланды-батыр, выслушай меня!
Ведь я полюбила тебя,
Посчитала достойным себе,
Ради тебя одного
Всё - и родных, и свою страну
Оставила я и ушла, - говорит. -

Караман, послушай и ты!
Всей душою любил меня отец,
До самой смерти молился за меня.
Отец считал, что был прав во всем,
Хотя другие и осуждали его.
Обоих вас - Кобланды и тебя,
Под путлице зажав,
Словно лис, убитых в зарослях степных,
Сидя на Акмоншаке-коне,
Привез в город Кобикты.
Связанные по рукам и ногам,
В темнице лежали вы.
Вот ты, Караман, здесь сидишь -
Не забыл, что сделала я?
Втайне от своего отца
Привела вам обоим коней,
Кольчугу надела на тебя,
Копье тебе принесла.
Я своего отца Кобикты
Потом убить вам помогла.
Все это ради кого, Кобланды?
Ради тебя одного, Кобланды.
Полюбила всем сердцем тебя.
Как же ты меня не оценил?
Не заметил высокородную меня?
Когда Алшагыр твою стоянку захватил,
Когда у горы Караспан разрушил аул,
Когда Бурыл захромал и не смог идти,
Когда Караман оставил тебя,
Когда охватила тебя печаль,
Кто пришел и оказал помощь тебе?
Все это ради кого, Кобланды?
Ради тебя одного, Кобланды!
Когда Алшагыр твой аул захватил,
Когда тебе угрожала смерть,
Когда Биршимбай вышел на бой,
Когда пронзил копьем всех нас четверых,

Когда было не до веселья всем нам,
Когда мы чуть не испустили дух,
Когда обагрилось кровью его копьё,
Когда ослабли руки у нас,
Брата, рожденного вместе со мной, -
Жеребенка, резвившегося вместе со мной,
Мою опору и поддержку мою,
Мой молодой камыш, растущий на воде,
Моего скакуна, вырвавшегося вперед, -
Биршимбая, единственного брата моего,
Я убила сама, пронзила его копьем.
Знаешь, Коблан, ради кого?
Все это ради тебя одного.
Когда ты собрал свой народ
И сбылась твоя заветная мечта,
Когда к горе Караспан
Пригнали добычу - бесчисленный скот,
Ты и не вспомнил обо мне,
Ты соединился с Корткой.
На горе Караспан я поставила шатер,
Душа была преисполнена тоской.
Ты же не вспомнил обо мне.
Когда к Караману ты ехал на той,
Однажды в полуденный час
Проезжал мимо одинокого шатра,
Я просила: "Остановись у меня",
"Остановимся", - говорила и Кортка.
Батыр, ты ко мне не завернул.
Зимою идет белый снег,
У влюбленных на сердце тоска.
Почему не завернул ты ко мне?
За какие же мои грехи?
Разве скажешь, что ты справедлив?
Когда той подошел к концу
И ты возвращался домой,
На твоём пути стоял белый шатер.
Я, бедняжка, приглашала вас.

Кортка, спутница твоя,
И она умоляла остановиться у меня.
Батыр, ты уехал, ко мне не завернул.
Разве я была виновна пред тобой?
Вот тогда у Шошая на глазах
Я тебя и повергла ниц -
За обиды отомстила тебе.
Вот я стою пред тобой, не щади!
Если в сердце обиду таишь,
Если ты сейчас и сразишь меня,
Я уже однажды отомстила тебе!
Теперь могу спокойно умереть!"

Карлыга поблагодарила Карамана за то, что он помог ей высказаться, очистить душу свою. Затем Караман обратился к Кобланды:

"И ты, не таясь, выскажи свою печаль -
Не ложь, а всю правду скажи".
Тогда Кобланды говорит,
Вот что он говорит:
"Карлыга, ты сказала хорошо.
Пред тобою раскрою душу и я.
Недалеко от стоянки перевал,
За перевалом кочует народ.
Зимою идет белый снег,
У влюбленных на сердце тоска.
Немало было кызылбашей -
Это многочисленный народ.
Твой отец считал, что был прав во всем,
Хотя другие и осуждали его.
Он одевал тебя в дорогие шелка,
До самой смерти молился за тебя.
Как же своего отца Кобикты
Убить ты сама дала совет?
Кто же для тебя ближе отца?
Кобланды из рода каракипчак
Разве ближе тебе, чем отец?
Мало было этого, Карлыга.

Брата, рожденного вместе с тобой, -
Жеребенка, резвившегося вместе с тобой,
Свою опору и поддержку свою,
Молодой камыш, растущий на воде,
Скакуна, вырвавшегося вперед, -
Биршимбая, единственного брата своего,
Ты убила сама, пронзив его копьем.
Кто ж тебе ближе, чем брат родной?
Кобланды из рода каракипчак
Разве ближе тебе, чем брат родной?
Своих родных - брата и отца
Ты сама обрекла на смерть.
Как же мог поверить тебе кипчак?!"
Словами Кобланды красавица сражена,
К ногам батыра Кобланды
Упала красавица Карлыга.
Сократим долгий сказ,
Теперь скажу напрямиком.
Веселились тридцать дней подряд,
Пировали сорок дней подряд.
Над красавицей Карлыгой
И богатырем Кобланды
Его ровесник Караман
Совершил брачный обряд.
Так красавица Карлыга,
В горах прожившая семь лет,
Достигла желания своего,
Познала красавица Карлыга
Жизни сладкие плоды.
Показали Карлыга и Кортка
Многочисленному роду кипчак
Дружбы верной пример.